

ИНТЕРВЬЮ С ЛЬВОМ ТОЛСТЫМ

«Я не понимаю, как это интеллигенция составляет отдельный класс... Интеллектуальная сила всюду: и в душе простой крестьянки и на верхах... Раз человек живет вопросами духа, прислушивается к своей совести, тот и интеллигент».

«РАННЕЕ УТРО», 1908

«В науке еще возможна посредственность, но в искусстве и литературе кто не достигает вершин, тот падает в пропасть».

«РУССКОЕ СЛОВО», 1902

«Нынче так много писателей... всякий хочет быть писателем!.. Но как целомудрие нужно соблюдать, так и в литературе следует высказываться лишь тогда, когда это становится необходимым».

«РУССКИЕ ВЕДОМОСТИ», 1908

«Техника в наше время во всех родах искусства доведена до замечательного совершенства. Но это еще не все, что нужно искусству... Возьмите Достоевского. По своей технике он ниже всякой критики, но он не только нам, русским, — но всей Европе открыл целый новый мир».

«РУССКИЙ ЛИСТОК», 1900

«Вся там, где есть неразумный рубль, и проницательный человек, что не рубль спасает, а что талантливый человек делает много того, что он никогда бы не сделал без таланта». («Смоленский вестник», 1900).

«Вы спрашиваете у меня, — отвечает Толстой, — мое мнение о возникновении у нас союза писателей? Духовный мир не может быть. Союз — эмбрион единства, а единство среди людей вообще, а среди писателей — в особенности, — это нечто, что не создается, а рождается само собой». («Петербургская газета», 1896).

«Другой журналист спрашивает Толстого о Союзе взаимопомощи русских писателей, созданном в начале 1897 года в Петербурге».

«Вы спрашиваете у меня, — отвечает Толстой, — мое мнение о возникновении у нас союза писателей? Духовный мир не может быть. Союз — эмбрион единства, а единство среди людей вообще, а среди писателей — в особенности, — это нечто, что не создается, а рождается само собой». («Петербургская газета», 1896).

«Посетителю, спрашивающему, откуда ждать обновления жизни, Толстой отвечает:»

«Начинайте с себя. Нет в жизни ничего и ничего сильнее человека, когда он захочет быть свободным и сильным. Ему надо только понять, что никто и ничего не сильнее его. И раз он это понял, никто и ничто ему не в чем не помеха, не указ... Быть собой, по-своему верить и думать — разве это так трудно, разве это невозможно при таких бытовых условиях?» («Одесские новости», 1903).

«Толстого спрашивают, в чем состоит истинное художество, и он отвечает:»

«И как не понимать этого художества из современных писателей, что первое и необходимое условие всякого художественного произведения — это чувство меры, чувство художественного такта. И что за досада бывает, только оторваться от секунды от окружающей тебя обстановки и перенестись в мир иллюзий, как вдруг какая-нибудь глупая, фальшивая нота — и все очарование исчезло. И ничем уже не вернуть его» («Русское слово», 1908).

«Толстого спрашивают, и ответы его часто складываются в отточенные формулы, неожиданные афоризмы».

«О войне: «Это ужасно. Как люди мало понимают свои интересы. Как они еще жестоки. Война — это ужасно. Какие такие интересы могут быть, чтобы служить оправданием убийству?» («Восточное обозрение», 1903).

«О детях: «Следует учить детей истине и помнить, что ребенок стоит ближе к каждому взрослому к идеалам правды и добра. Поэтому прежде всего каждому нужно жить хорошо, чтобы своею жизнью давать детям пример добра» («Русское слово», 1908).

«О пьянстве: «Мне всегда кажется, когда я вижу пьяного»

«деяние словом» («Раннее утро», 1908).

«О ренегатстве: «Ведь не в том трагедия ренегатства, что человек меняет свой взгляд и вырабатывает новые убеждения. Это бывает со многими, весьма искренними людьми... Трагизм ренегатства в том, что быстро, как язы проказы, покрывает все тело, распознать в душе ренегата и превращает его в ужаснейшего из порождений — в клеветника» («Биржевые ведомости», 1908).

«И, конечно, с особым доверием вслушиваются посетители Толстого в то, что он с обычной своей суровой требовательностью говорит об искусстве, литературе».

«Нынче так много писателей... всякий хочет быть писателем!.. Но как целомудрие нужно соблюдать, так и в литературе следует высказываться лишь тогда, когда это становится необходимым». По моему мнению, писатель должен брать то, что не было до него описано или представлено. Как начинал писатель? Это было «Детство»... И вот когда я писал «Детство», то мне представлялось, что до меня никто еще так не почувствовал и не изобразил всю прелесть и поэзию детства» («Русские ведомости», 1908).

«...Стихи только тогда стихи, когда их нельзя передать в прозе, не исказив их красоты и выразительности. А когда человек думает и чувствует прозой, а пишет стихами, то это совсем плохо».

«Вот Толстой, — говорит А. Н., как бы загораясь, — Я знал его лично. Старенький, маленький. Говорил гораздо лучше по-французски, чем по-русски. А какие писал стихи» («Русское слово», 1910).

«О переводе: «Перевод — не более, чем изнанка ковра, но мне кажется, что великие произведения сохраняют и в переводе свои достоинства» («Русские ведомости», 1904).

«О Герцене: «Герцен, по мнению А. Н., первый уразумел у нас и художественную и общественную правду» (там же).

«О Куприне: «Вот кого я считаю самым талантливым из молодых — это Куприна. Прекрасная школа, полный объективизм. Очень хорошие его картины казарменной жизни, «Поединки» растянут, длинен, но маленькие рассказы доставляли мне большое удовольствие» («Петербургская газета», 1907).

«Об Арцыбашеве: «Арцыбашев своим «Саниным» думал открыть что-то новое. Публика поверила ему. Между тем, еще в древности были эпикурейцы — Санины. Нового Арцыбашева ничего не сказал» («Русское слово», 1908).

«Забывшие интервью и беседы с Толстым помогают уточнить множество сведений, фактов, дат, пополнить канву «толстовских» жизни и творчества писателя. Однако, помимо этого, газетные летучие материалы создают в совокупности и живой его образ. Мы оказываемся в окружении словесных портретов Толстого, сделанных с разной долей проницательности и мастерства, но драгоценных конкретностью впечатлений».

«Его изображают почти крестьянином, а у него лицо интеллигентное; нет и бороды до пояса. Передо мною стоял высокий худой старик, с лицом морщинистым и болезненным, с белым борою. Но глаза — глаза на этом старом лице были совершенно молоды» («Русский листок», 1900).

«...На балконе показались маленький, сухонький старичок, одетый совсем по-домашнему... Телодвижения скорые, бодрые; выговор совершенно ясный, голос без всякой хрипоты...» («Одесские новости», 1903).

«Портреты его изображают неверно. Глядя на него, вы не замечаете ни той бороды, которую так тщательно выписывают художники, ни широкотелого особенного лба, ни сурового выражения лица... Вы видите прежде всего один глаз: небольшой, круглый и — в этом их особенность — совершенно плоские и одноцветные, сияющие, точно на сильный источник света смотрящие...» («Русь», 1904).

«...Лев Николаевич не велик ростом, но впечатление крупной фигуры» («Петербургская газета», 1907).

«Во многих воспоминаниях отмечено и стало уже неким общим местом, что ни один портрет не передает подлинности выражения лица, глаз Толстого. Отчего же во внешности и художественности, в том числе очень талантливыми, и мемуаристами, в том числе весьма точными, рисуются поразному? Очевидно, лицо его жило, он часто менялся в течение одних суток, одного дня, в течение часа, не говоря уж о том, как меняли его годы. Так же и внешность усадьбы, обстановки дома; в обжитом жилье — все живо; вещи таежные, ветшают, заменяются новыми, пропадают, как сквозь землю. Даже при самом устойчивом быте происходит это изменение обихода, малой среды обитания».

«В РЕПОРТАЖАХ газет, современных Толстому, для нас запечатлелись»

«мгновенные снимки «художественной» зарисовки быта усадьбы и городского дома Толстых, черты обстановки и окружения, одежды, походки, облика самого Льва Николаевича в разные минуты жизни. Надо принять в расчет еще и силу первого впечатления. Люди, наблюдавшие Толстого из дня в день, привыкшие к нему, как Софья Андреевна, дети, секретари и домашний врач, многого не замечали и не регистрировали просто в силу привычки к впечатлению. Не приходило в голову отмечать всякий раз, во что был одет Толстой, что он ел, как он выглядел в тот или иной радостный день. А для случайного пришельца все это было полно значения и усиливало во сто крат его возмущенным вниманием: сейчас он увидит Толстого!»

«С Толстым говорят о Данте и Гейне, Герцене и Пушкине, Бетховене и Гайдне, о войнах, Думе, земле, крестьянах, о 9 января и цусимском поражении, о спорте, кинематографе, аэропланах, о народных школах, вегетарианской пище, чае из земляники, о министрах, врачах и душевнобольных, об охоте, Сибири и железных дорогах... И пусть некоторые сведения интервьюеров и случайных посетителей

Львом Толстым неточны, неполны, впечатления разрозненны и субъективны, все равно из этих десятков взглядов на великого собеседника встает в совокупности неповторимая фигура Толстого. Так из неподвижных кадров на киноленте, едва их число достигнет 24 в секунду, возникает движение, воспринимаемое глазом; изображение оживает».

«ИНТЕРВЬЮ и репортажи о Толстом интересны не только тем, что объективно нового узнаем мы о писателе, какие его слова слышим, но и тем, как воспринимались он современниками, какое место занимал в их сознании. К началу XX века и еще при жизни Толстой стал легендой. В глазах русского общества и всего просвещенного мира он был чем-то несравненно большим, чем просто литератор, пусть даже самый выдающийся».

«Апостол нового вероучения для одних, он для других был примером безоглядного обличителя всех язв русской жизни, воплощением неофициальной власти совести и слова. Он умел и смел громко высказывать неприятную правду, идущую наперекор сословию, религиозному и национальному предрассудку. Его суда боялись, к его голосу прислушивались; гордились тем, что живут в одно время с таким человеком-гигантом. Помощь Толстого голодающим, отказ от прав на литературное наследство, протесты против смертной казни, его отлучение Синодом от церкви, наконец, его уход из Ясной Поляны и смерть в пути становились событиями, обсуждавшимися в каждой грамотной семье».

«Свежие сведения о Толстом прочитывались жадно, перепечатывались другими газетами и, как правило, становились достоянием всей читающей публики. Жизнь людей в конце прошлого — начале нынешнего века шла как бы в постоянном ощущении Толстого».

«Публику не по праздному любопытству волновала частная жизнь и привычки, внешность и быт, портрет и мнения автора «Войны и мира» и «Воскресения». Это была инстинктивная попытка понять, какими человеческими силами вызвано к жизни это художественное чудо, чем можно объяснить такую редкостную творческую способность в человеке. Но общественный «феномен Толстого» объяснялся и невольным желанием многих увидеть в писателе, сильно подействовавшем на твое воображение, защитника, образец и жизненный пример. Рождаясь гордость уже одной принадлежностью к сонму его современников, роду человеческого вообще».

«Интервью, беседы, репортажи о Толстом предстают, таким образом, и как факт общественного сознания. По совокупности этих летучих газетных материалов можно представить себе, что знали, какой рисовали себе фигуру Толстого читатели-современники. А это в конечном счете для историка общественной мысли и быта явление не менее объективное, чем подлинность документально запечатленных слов и поступков Льва Толстого».

В. ЛАКШИН,
доктор
филологических наук

С того дня, как, про-
сидев газету «Новое
зрение» за 1890 год, я
случайно наткнулся на
интервью А. Молчанова с
Львом Толстым, неизвест-
ным исследователям-тол-
стоведом, прошло 25 лет.
Помню, подумал тогда:
а что если поискать дру-
гие материалы того же
рода в старых газетах?
При удаче, глядишь, об-
наружится еще несколько
таких же интервью —
своей истинности, неокри-
данное подспорье для
изучения биографии Тол-
стого. С тех пор мною
добровольными помощни-
ками и мной пролистаны
многие десятки годовых
комплектных старых газет,
изучены пухлые папки с
вырезками за 1890 —
1910 гг., хранящиеся в
Библиотеке Государствен-
ного музея Л. Н. Толсто-
го. И вот результат: бо-
лее двухсот интервью и ре-
портажей о встречах и
беседах с писателем най-
дено в издаваемых при
его жизни газетах и жур-
налах. 107 отобранных из
этого числа, наиболее
достоверные и содержа-
тельные, составят книгу,
готовящуюся к изданию в
издательстве «Современ-
ник».

Толстовское литера-
турное наследие собор-
но у нас с особой тщатель-
ностью. Каждая строка кумира
нашей литературы на учете у
специалистов-толстоведов. Не-
маловажное значение для изучения
Толстого имеют и дневники
близких ему лиц — С. А. Тол-
стой, Н. Н. Гусева, Д. П. Ма-
ковицкого. Неоднократно изда-
вались и сборники мемуаров
о Толстом. Какое место в
этом ряду занимают толсто-
вские интервью?

В России газетное интервью
с наиболее значительными
людьми политического или ли-
тературного круга стало посве-
денностью лишь в послед-
нюю четверть прошлого века.
Газеты существовали и при
Пушкине, Гоголе, Лермонтове,
но никто не вздумал бы брать
у них интервью. Не давали
газетам интервью и Достоев-
ский, Некрасов. Сама форма
эта еще не прижилась, не ка-
залась общепринятой. Но со
второй половины 80-х годов
живая беседа с писателем, от-
чет о встрече с ним стали про-
бывать себе дорогу на страни-
цы русских газет, и первым из
интервьюируемых был, конечно,
Лев Толстой. Фигура
«яснополюнского старца», пи-
сателя, философа, страстного
протестанта, с каждым годом
вырастала в глазах читающей
России.

В 1891 году Н. Н. Страхов
писал в статье «Толки об А. Н.
Толстом»: «Малейшее изве-
стие о том, что пишется и
живется в Ясной Поляне, газе-
ты помещают нарзавне с наи-
лучшими лакомствами, какими
они угощают своих читателей,
т.е. нарзавне с политическими
новостями, с пожарами и зем-
летрясениями, скандалами и
самоубийствами... Может быть,
со времен Вольтера не было
писателя, который производил
бы такое сильное действие
на своих современников».

В самом деле, примерно с
1885 года в Ясную Поляну,
как некогда в Ферне к Вольте-
ру, стеклись поклонники, жа-
ждшие видеть писателя и по-
говорить с ним. Зины Толстой
обычно проводила в Москве, и
его дом в Долго-Хамовском
перулке осаждали толпы
корреспондентов русских и ино-
странных газет, давшие по-
исатели «Войны и мира», ново-
обращенные последователи
его философии да и просто
любопытствующие. Его гости-
ми бывали студенты, курьеры,
жандармы, фабричные рабочие,
учителя, сектанты, крестьяне от-
даленных губерний, семинари-
сты, репортеры, священники,
актеры, ученые, музыканты,
художники, врачи, юристы, ре-
месленники... Двери дома бы-
ли гостеприимно открыты, и
никто не было запрещено ступи-
ть на его порог — даже ни-
каких предварительных реко-
мендаций не требовалось.

Потрясенные встречей с
Толстым, его личностью, его
обращенной к любому и пора-
жавшей своей открытостью
беседой, многие посетители
Толстого, не говоря уж о про-
фессионалах-журналистах, спе-
шили запечатлеть свои беглые
наблюдения в заметках, стано-
вившихся достоянием газет.

По количеству печатавшихся
материалов можно судить о
возрастающей всероссийской и
мировой славе писателя. Сна-
чала одно-два интервью с Тол-
стым в год, потом — встречи
с ним каждый месяц, далее —
едва ли не каждую неделю. В
1908—1909 годах газетные ре-
портеры выслеживали, каза-
лось, уже каждый его шаг. По-
мимо представителей москов-
ских, петербургских, одесских
и других русских газет, у Тол-
стого побывали корреспонденты
из Англии, Франции, Аме-
рики и других стран.

Толстой никому не давал
интервью в нынешнем смысле
слова, по принципу «вопрос —
ответ». Но он охотно поддер-
живал свободную беседу с
тех вопросах, какие интересо-
вали гостя; разговор велся в
живой непринужденности.

В беседах с гостями Ясной
Поляны, в том числе и с про-
фессиональными журналиста-
ми, Толстой затрагивал широ-
кий круг вопросов, по сути,
все, что волновало в тот мо-
мент его самого или затра-
гивало интереса собеседников:
новинки литературы, искусства,
последней круг чтения об-
суждался Толстым с той же
страстностью, что и новости
политики и науки, религиозные
и философские вопросы.

КАКОЙ мере, однако,
можно доверять основа-
тельности и точности
этих газетных и журнальных
сообщений? На первый взгляд,
литературные мемуары в срав-
нении с летучими репортаж-
скими отчетами — жанр бо-
лее обдуманный и солидный.
Мемуарист, как правило, рас-
полагает преимущественно вре-
менной дистанции в его воз-
можностях отбросить все частное
и бросить должный свет на
фигуру великого современника.
Но интервью и беседы, появ-
лявшиеся на газетной полосе
«по горячему следу», сразу же
после самой встречи или с ма-
лым промежуток после нее,
обладают в сравнении с позд-
ними воспоминаниями и сво-
ими достоинствами.

Мемуарист, собравшийся
спустя годы восстановить по-
дробности облика и подлинное
слова великого человека, часто
почему-то «досочиняет» из головы.
Лишь в тех случаях, когда в ос-
нову воспоминаний кладутся
дневниковые записи, непосред-
ственно приближенные к па-
мяти истца, можно наде-
яться на их достоверность.
Трудно возлагать надежды на
столь капризный субъективный
и избирательный инструмент,
как человеческая память, рабо-
тающая с заметными подмес-
ями воображения. Закон, давно
обнаруженный психологами: то,
что автор воспоминаний, не-
сомненно, видел и слышал
сам, легко сплывается в при-
чудливую амальгаму с тем, что
он вычитал в книге, узнал с чуж-
их слов. Я уж не говорю о тех,
тоже нередких случаях,
когда события «выпрямляются»
и «подгибаются» в согла-
сии с предвзятой точкой зре-
ния или роль мемуариста не-
меренно выпячивается.

Во всех этих отношениях
жанр газетного отчета, бесе-
ды или интервью, разумеется,
также не свободный от субъ-
ективной окраски, в целом все-
же более надежный источник,
чем большинство мемуаров о
писателе. Суть объективности
и разговора, как правило, пе-
редается в нем точнее, кон-
кретнее. Да и как иначе? Во-
оружившись карандашом и
блокнотом, корреспондент
обыкновенно ведет живую за-
пись или, на худой конец, за-
печатлевает беседу по свеже-
му впечатлению. В тот же са-
мый или на следующий день
еще не составив труда вос-
становить подробности и весь
ход разговора слово за сло-
вом, тогда как приводимая в
воспоминаниях, написанных
десять или двадцать лет спу-
стя, прямая речь прославлен-
ного современника производит
натянутое впечатление.

Кроме того, интервьюер по-
неволе чувствует дополнитель-
ную ответственность: «герой»
его интервью всегда может
прочитать газетную публикацию
и резко реагировать на воз-
можные неточности. В письмах,
дневниках Толстого, записях
его секретарей встречаются
указания на то, что он часто
читал или просматривал нап-
исанное о нем в газете. Случа-
йно, писатель поправлял или,
напротив, одобрял побывавше-
го у него журналиста.

Этой нравственной узды
лишен мемуарист, сочиняющий
свои воспоминания после сме-
рти того, кому они посвящены.
Вот почему, наверное, в от-
личие от мемуаров, наиболее
содержательные интервью мо-
гут быть включены даже в со-
став сочинений писателя. Так,
в 9-томном Собрании сочине-
ний И. А. Бунина в разделе
«Приложения» напечатаны и
его газетные интервью.

Не всегда, конечно, слова
Толстого воспроизводятся в
полноте верно. В иных случаях
газетчики, особенно мелкотра-
чатый «бульварный» издатель,
склонны были вносить элемент
сенсации в свои сообщения о
Толстом, иные же сведения
преувеличены и недостоверны,
так что необходим тщательный
отбор, проверка и комментиро-
вание всего этого материала.
На характер интервью наклад-
ывала печать и личность ин-
тервьюера, его собственные
цели и пристрастия, способ-
ность ставить вопросы и манера
сказания. Не зря Толстой за-
метил как-то, что с умным со-
беседником — умнейше, с
глупым — глупейше...

Но известно и другое: среди
корреспондентов, посещавших
не однажды Ясную Поляну,
Толстой выделял некоторых
журналистов, вызывавших у
него профессиональное и че-
ловеческое доверие. Таковы
были С. П. Спиро из «Рус-
ского слова», Ю. Д. Беляев из
«Нового времени» и другие.
Установлено, что иногда, и не
так уж редко, Толстой тща-
тельно вычитывал гранки
присланных ему на пред-
варительный просмотр ин-
тервью. Одна из гранок, ис-
пещренная пометами и встав-
ками Толстого, обнаружена не-
давно в фондах Ленинградско-
го театрального музея в со-
ставе коллекции В. В. Протопо-
пова. В таких случаях перед на-
ми не только новый источник
сведений о писателе, но и са-
мых авторских текстов.

ПРИ ЧТЕНИИ толстовских
интервью читателя, мало
знакомых с полным
противоречий, парадоксальным
и ярким способом мысли Тол-
стого, многое способно ошело-
мить. Враг любой банальности
и интеллектуальной моды,
Толстой говорил просто, ясно,
неизменно основываясь на
здоровом смысле или проница-
тельной догадке.

Интервьюер спрашивает: «В
чем счастье?» Толстой:

«Да, человек живет сча-
стием, и это счастье — всему
равно нудно, оно его по-
нет. Но наступают года, ко-
гда он начинает анализировать
свое поступки и мысли, и ес-
ли в эти минуты он может
думать, захочет думать и ис-
кать истину, то ему вовсе не
надо будет поворачивать кру-
то под прямым углом. Или
впадать в безнадзорность. На-
до будет только восстановить
представление о том, что на-
стоящая жизнь человека — это
человеческая жизнь, работа-
ющая с заметными подмес-
ями воображения. Закон, давно
обнаруженный психологами: то,
что автор воспоминаний, не-
сомненно, видел и слышал
сам, легко сплывается в при-
чудливую амальгаму с тем, что
он вычитал в книге, узнал с чуж-
их слов. Я уж не говорю о тех,
тоже нередких случаях,
когда события «выпрямляются»
и «подгибаются» в согла-
сии с предвзятой точкой зре-
ния или роль мемуариста не-
меренно выпячивается.

Во всех этих отношениях
жанр газетного отчета, бесе-
ды или интервью, разумеется,
также не свободный от субъ-
ективной окраски, в целом все-
же более надежный источник,
чем большинство мемуаров о
писателе. Суть объективности
и разговора, как правило, пе-
редается в нем точнее, кон-
кретнее. Да и как иначе? Во-
оружившись карандашом и
блокнотом, корреспондент
обыкновенно ведет живую за-
пись или, на худой конец, за-
печатлевает беседу по свеже-
му впечатлению. В тот же са-
мый или на следующий день
еще не составив труда вос-
становить подробности и весь
ход разговора слово за сло-
вом, тогда как приводимая в
воспоминаниях, написанных
десять или двадцать лет спу-
стя, прямая речь прославлен-
ного современника производит
натянутое впечатление.